*А.М. Серёгин*

# ВЛАСТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Среди множества направлений анализа места психологии в обществе можно выделить несколько основных, отличающихся своим подходом к предмету и той плоскости, в которой рассматривается соприкосновение психологии с обществом:

– психология как область целительной практики, причем в силу маргинальности психиатрии упор делается на терапевтические консультационные практики;

– психология как один из общественных дискурсов;

– психология как область человеческих знаний, претендующая на формирование полновесных теорий общественного устройства, борющаяся в этой нише с социологией и философией;

– психология как связующий фактор между человеком и предметом его труда во всех областях деятельности.

Под каким бы углом зрения ни рассматривалась психология – будь то практическая деятельность или фундаментальная теория – так или иначе ставится вопрос о ее месте и роли в структуре общества. Каждая состоявшаяся наука, помимо четко сформулированных объекта и предмета исследования, обладает неким пониманием своих задач и плана действий.

С первых лет формирования категориальных систем психологии как самостоятельной науки высказывались самые смелые прогнозы и декларировались громкие задачи. Психология еще со времен психоанализа мыслила себя как часть некоего крупного проекта по переустройству общества[1]. В то же время известный психотехник Г. Мюнстенберг писал, что сама психология не способна разобраться в своих целях; она может лишь предлагать средства для реализации тех идей и смыслов, которые можно найти только в философии, в этике[2]. О радужных перспективах науки еще к концу первой трети XX в. писал видный русский психиатр Ю.В. Каннабих: «…наметился новый тип врача-психиатра: это общественник, социальный патолог, практический психофизиолог-педагог и активный психотерапевт,

[1] См.: *Сосланд А.И.* О психологократии // Московский психотерапевтический журнал.2007. № 1 (49). С. 182– 199.

[2] См.: *Мюнстенберг Г.* Психология и учитель. М., 1997. С. 320.

деятельный участник борьбы за изменение быта людей, в целях возможно полного уничтожения всех поводов для личных, семейных, имущественных и общественных конфликтов и во имя наиболее совершенной организации человеческой энергии на поприще строительства гармоничного общества»[1]. В.И. Вернадский обозначил переживаемое человечеством время как момент вступления в «психозойскую эру», творческим импульсом в создании и жизни которой должна стать именно психология[2]. В 1960 г. Жан Пиаже выразил твердую уверенность, что психология в двадцать первом веке станет главной наукой.

С таким отношением к возможностям и горизонтам психологии связан один из двух граничных локусов в спектре оценок психологической культуры. Первый в целом позитивен и, рассматривая текущее состояние дел изнутри предметной области, при согласии с наличием определенных проблем все же признает положительную динамику и удовлетворительную экспансию и, переходя от своих частностей к обобщенностям верхних уровней, связывает с сознательным и управляемым развитием психологической культуры процветание общества в целом. Второе радикальное мнение по своей сути критично: согласно ему психологизация общества является процессом если не патологическим, то в любом случае не однозначно положительным, а в некоторых случаях последствием или индикатором общественных изменений, которые суть тупиковая ветвь развития социальности.

Представители академической науки в основном придерживаются первой точки зрения. Звучат мнения, подобные тому, что «психология станет массовой профессией в глобальном масштабе, ее влияние на образование, политику, культуру, средства массовой информации и общественное сознание будет неуклонно возрастать»[3], «из описательной науки XX в. психология превратится в конструктивистскую науку, обладающую широким набором психотехник»[4]. Однако есть и скептики: «Пророчество Вернадского пока не сбылось. Мы видим, что СМИ с их потенциалом воздействия и манипуляции массовой психикой фактически используют определенные психотехнологии, но делают они это без особого участия психологии как науки и вопреки этическим нормам психологии…».

---

[1] *Каннабих Ю.В.* История психиатрии. Минск, 2002.

[2] *Орлов А.Б.* От хаоса к порядку и обратно, туда, где… «все во всем» // Вопросы психологии. 2000. № 2.

[3] *Юревич А.В.* Социальная релевантность и социальная ниша психологии // Психологический журнал. 2006. № 4.

[4] *Бондаренко А.Ф.* Психотерапия: тип социальности и сетевой маркетинг // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т.3. № 1.

Однако с какой бы точки зрения теоретики ни смотрели на процесс распространения психологического в обществе, все едины в том, что психология в нашей стране находится в подвешенном состоянии, и ситуация вокруг нее требует разрешения определенного ряда противоречий, дабы обеспечить психологии достойное место в обществе.

Детальный и многосторонний анализ отношений общества и психологии дает А.В. Юревич в работе «Социальная релевантность и социальная ниша психологии». Отмечая расцвет социогуманитарных академических дисциплин и их переход в положение производительных сил общества, автор констатирует расплывчатый, неустойчивый, неопределенный статус психологии как науки и как практики. Декларируется положение психологии как перспективной дисциплины[1], не имеющей, однако, своего четкого места и плана действий.

Занимаемая психологией социальная ниша рассматривается автором с точки зрения отношений науки с властью, и здесь он констатирует проигрышное положение психологии в сравнении с правоведением, экономикой и политологией. Происходит это, по мнению автора, в том числе и потому, что психология не реализует всех своих возможностей как сферы знаний. Для дальнейшего анализа автором привлекается понятие социальной релевантности, под которым понимается «активное участие [психологии] в решении важнейших социальных проблем, таких как социальное неравенство, политическое насилие, войны, расовые конфликты, а также выполнение мировоззренческих функций – выработки и трансляции в массовое сознание общего образа общества и происходящего в нем, то есть участие в «больших делах». Автор приходит к выводу, что психология при необходимости проявить себя в двух принципиальных функциях любой социальной теории[2] – осмысления происходящего в обществе и конструирования социальных практик – не справляется с первой и не получает возможности полностью раскрыться во второй.

В том, что касается мировоззренческой функции, психология снова проигрывает другим социогуманитарным наукам. «Оценки происходящему в нашем обществе даются преимущественно в экономических и политических терминах». Такое положение вряд ли можно назвать объективным, поскольку в этом случае «за цифрами не видно человека», поэтому автор требует переключения внимания на «такой комплексный показатель, как психологическое здоровье населения, учитывающий статистику самоубийств, психических рас-

[1] *Keppe N.R.* La socio pathologie. Une etude de la Pathologie Sociale. P., 1992.
[2] См.: *Эльконин Б.Д., Зинченко В.П.* Психология развития. М., 1994.

стройств, эмиграции, преступлений, браков и разводов». Очевидно, что с такой точки зрения психология, как сфера знаний, напрямую отвечающая за формулирование законов о психике человека, должна явить картину мира, выраженную в первостепенных для его понимания доминантах.

Независимо от А.В. Юревича схожую точку зрения высказывает А.И. Сосланд. Рассматривая отношения психологии с обществом, он также во главу угла ставит способы ее влияния на власть. В частности, вводится в оборот концепт «потестарной емкости», который «мыслится как сумма возможностей влияния на власть, складывающаяся в рамках определенной практики, парадигмы, науки и пр.». Гуманитарные науки признаются автором приобщенными к властному дискурсу как ответственные за идеологию и ценности и обеспечивающие их нарративы.

А.Ф. Бондаренко подходит к вопросу о необходимости психологии с другой стороны и, проводя сравнительный анализ исторических типов социальности и прогресса психологии в обществе, приходит к выводу, что крепкие позиции психотерапии в западном обществе являются продуктом общества массового потребления, которое возникло в США в середине прошлого столетия: «Возникновение суперизобилия не только не отменило исконных человеческих проблем… а наоборот выпятило их, поскольку бедность не оставляет человеку роскоши предаваться психологическим терзаниям, в то время как материальное изобилие создает собственно психологическое пространство личностного существования»[1]. Действительно, в исследовании бразильского психоаналитика Норберто Кеппе отмечается, что как таковых личностных проблем у его пациентов в бедных кварталах Бразилии не наблюдалось. Все их переживания, по сути, являлись интериоризированными социальными конфликтами, то есть не собственные неврозы приносили людям страдания, а переживания межличностных конфликтов на почве отсутствия работы, злоупотребления алкоголем, ревности и т. п. Среди других факторов (кроме психологического пространства), способствовавших повышению спроса на психотерапию, называются специфические для общества потребления страхи (потери имущества, увольнения, страх быть самим собой и т. п.), «широкое распространение неподлинного поведения, регрессия к инфантильному, аддиктивному, сугубо ролевому проживанию жизни либо к иным видам манипулятивного поведения и в итоге к суициду». Таким образом, патология социального устройства, ведущая к «отчуждению человека от мира»,

[1] *Сосланд А.И.* Психотерапия в сети противоречий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1.

вызвала к жизни новый массовый вид услуги, приобретший повальную популярность и ставший в итоге частью нормального образа жизни. Стоит отметить, что обозначение психотерапии как услуги (что соответствовало идеологии общества потребления) «убивало сразу двух зайцев – спасало самооценку и повышло покупательский спрос на психотерапию».

Симптоматично, что в российском психотерапевтическом сообществе в настоящее время выносятся на обсуждение вопросы эффективности «психотерапии в целом» и ее места в обществе, в то время как на Западе этот вопрос давно решен, а в восточных странах его появление не предвидится еще очень долго. Об этом, кстати, говорит и Бондаренко, сравнивая современную психотерапию с религией и называя психотерапевта «новоявленным душепопечителем». Он отмечает, что в тех сообществах, где исконные религии или идеологии весьма сильны (буддийская Индия, коммунистический Китай, иудейские общины), традиционное место душеприказчика вакантным не стало. Действительно, несмотря на то, что христианская церковь постепенно стала сдавать свои позиции в сфере власти над умами граждан, потребности в утешении у людей не исчезли, и освободившуюся роль быстро примерили на себя психотерапевты.

Что же касается нашего общества, то в ряде публикаций указывается на неготовность «наших людей» к приятию новой тенденции. Прежде всего, это связано с отсутствием культуры обращения к специалисту, а также с отсутствием должного информирования и просвещения населения, в массовом сознании которого до сих пор не существует четкого, непротиворечивого образа психолога. И это при том, что психология все же имеет достаточно прочное место как минимум в повседневном эмоциональном дискурсе выражения внутренних состояний и описания межличностных отношений. Своеобразным индикатором степени психологизированности общества может служить постепенное вытеснение некогда специальной терминологией (стресс, невроз, комплекс, психическая энергия, «на подсознательном уровне») традиционных понятий (грех, мучения, искупление и т. п.).

Отметим основные выявленные противоречия ситуации вокруг психологической культуры.

Во-первых, это расхождение между теоретическими возможностями психологии как главного связующего звена между всеми социальными практиками и отсутствием легитимацией ее в этом качестве, что связано, в первую очередь, с затянувшейся невозможностью оправдать возложенные на нее ожидания – с одной стороны, и неготовностью подавляющей массы населения к признанию новой тенденции – с другой.

Во-вторых, это несоответствие академических взглядов и идеалов изнутри самой науки и реального положения психологии и психопрактик на рынке услуг в быстро меняющемся обществе.

В-третьих, это противоречие между двумя противоположными локусами пси-культуры, академической наукой и паразитирующими на ней и дискредитирующими ее практиками, с низкой степенью легитимности и научной проработанности.

Возвращаясь к пророчеству Вернадского, отмечу, что о реальном и главном конструктивном проникновении психологии в жизнь можно будет говорить «при условии повышения психологической культуры, общества в целом, предполагающем понимание и принятие психологии как реальности не менее значимой, чем, например, экономика». Речь идет о будущем, когда «человечество подойдет к тому, чтобы оценивать качество жизни не по продуктам технического прогресса, обеспечивающего все более высокий уровень физического комфорта и безопасности, а по психологическому самочувствию каждого представителя общества»[1].

[1] *Шмелев А.Г.* Психология XXI века: пророчества и прогнозы // Вопросы психологии. 2000. № 2.